

АНЖЕЛИКА ВИКТОРОВНА КОРОЛЬКОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
профессор кафедры русского языка
Московский педагогический государственный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3245-7307; lika.korolkova@bk.ru

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА НОВИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и математических наук
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
(Смоленск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9388-2062; tatjana_1@inbox.ru

СУБСТАНДАРТНАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А н н о т а ц и я . Цель работы состоит в анализе паремиологического материала с субстандартными компонентами в художественных текстах и выявлении их функций. Актуальность обусловлена тем, что в современных лингвокогнитивных изысканиях паремии с субстандартизмами рассматриваются как основа описания конфликтных ситуаций и отражение противоположных позиций, в связи с чем анализируется мировоззренческая система отдельных социальных групп. Новизна исследования стоит в том, что в диахронии описаны значимые словари субстандартной лексики, а также изучена система паремий с субстандартными элементами в творчестве З. Прилепина, А. И. Солженицына, В. Шаламова и выявлены их функции с помощью методов прагмалингвистики, включающих метод контекстуального анализа и прагмалингвистическое описание функций анализируемых паремий в художественных произведениях XIX–XX веков. Делается вывод о том, что данный тип паремий помогает авторам в отражении реальности, в воспроизведении аксиологических установок определенной части общества. Писатели реструктурируют фрагменты действительности, используя паремии для отражения авторских интенций, моделирования жизненной ситуации, их эмоциональной интерпретации.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, субстандарт, лингвопрагматика

Для цитирования: Королькова А. В., Новикова Т. С. Субстандартная паремиология в художественном тексте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 98–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1205

ВВЕДЕНИЕ

Паремии в художественных текстах используются авторами довольно часто, при этом функции пословиц обычно связаны с макроструктурой текста: они репрезентируют в образной форме основную его мысль, дают оценку, обосновывают поступки персонажей и индивидуализируют их речь. Использование паремий всегда отражает образное мировидение писателя и определено его коммуникативной стратегией, активное употребление пословиц в художественном тексте маркирует индивидуальный стиль автора.

Пословицы и поговорки в художественных текстах не только выражают ценностные

доминанты, но и в определенной ситуации обусловлены тематической композицией и идеей текста. Согласимся с тем, что

«ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом культуры. Можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента саморегуляции лингвоязыковой синергии» [7: 106].

Автор, используя паремии, во многом транслирует стереотипы лингвокультуры, но применительно к конкретной социальной ситуации, описанной в художественном дискурсе конкретного произведения.

Уточним традиционное понятие пословицы. Присоединяясь к авторитетному мнению В. М. Мокиенко, пословицей называем

«логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией», поговорка «давно уже понимается как фразеологизм в узком смысле слова, включая и устойчивые сравнения» [6: 10].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили паремии с субстандартными компонентами, привлеченные приемом сплошной выборки из произведений А. И. Солженицына, В. Шаламова и З. Прилепина (37 единиц). Основным методом является прагмалингвистический, включающий в себя метод контекстуального анализа и прагмалингвистическое описание. Цель работы – анализ использования паремий с субстандартными компонентами в художественных текстах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Особые функции в художественном тесте выполняют пословицы, в которых используются субстандартные компоненты. Изучение субстандарта и его отражения в художественных текстах является актуальным, поскольку позволяет осмыслить социокультурные основы коммуникации.

История осмысления и анализа субстандартных единиц в русском языке имеет давнюю традицию. Первые исследования субстандартной лексики, фразеологии и паремиологии появились в XIX веке. Назовем «Русско-офенский словарь» и «Офенско-русский словарь» В. И. Даля¹, где собраны лексические единицы из языка торговцев-коробейников офеней. В XX веке изучение субстандарта стало системным. Исследования касались прежде всего отдельных аспектов социолекта – жаргонов, арг, сленга [1], [2], [3]. Появилось значительное количество словарей жаргона и молодежного сленга. Первым словарем воровского жаргона стал словарь В. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы», изданный в Санкт-Петербурге в 1908 году². В нем собраны и истолкованы самые частотные лексические единицы воровского жаргона, описаны интересные факты жизни арестантов в тюрьмах, например «бекасиная охота» (ловля вшей) и пр. Словарь является первым научным изданием, поскольку тип словарной статьи создавался И. А. Бодуэном де Куртене (в нем – обширное введение; словарная статья включает помимо дефиниции этимологические пометы, указания на заимствованный характер лексемы); книга

дает возможность оценить в исторической ретроспекции динамику развития лексики воровского жаргона.

Лексикографическим памятником является словарь Н. А. Смирнова «Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”», в котором не просто отражены лексические и фразеологические единицы из романа Вс. Крестовского: по сути, они репрезентируют большой пласт лексики воровского жаргона XIX века³. В некоторых случаях приводятся контексты из романа, в которых жаргонизмы являются частью пословиц. В «Петербургских трущобах» пословицы с субстандартными компонентами являются элементами, моделирующими коммуникативную ситуацию реальной модальности. Субстандартные компоненты паремий индивидуализируют речь персонажей, способствуют созданию предельно реалистического описания жизни социального дна Санкт-Петербурга XIX века. Например: *«Тырка золотая = очень удачно произведенное воровство. “Ну, брат, чистота!... Вот уж подлинно можно сказать, золотая тырка!”»*⁴.

К настоящему времени издано несколько десятков словарей жаргонов, молодежного сленга и арг. Среди самых больших по объему словарей следует назвать «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной⁵; «Словарь блатного воровского жаргона» в двух томах Д. С. Балдаева⁶; «Толковый словарь молодежного сленга» Т. Г. Никитиной⁷. Уникальным в своем роде изданием стал словарь «Русский жаргон: Историко-этимологический словарь» М. А. Грачева и В. М. Мокиенко, в котором произведен диахронический анализ лексических единиц и выражений из русского арг, дано их толкование. Во Введении авторы отмечают:

«Русский, криминальный жаргон, или арг, – лексика криминальных элементов (преступников различных категорий, босяков, нищих, бродяг, беспризорников, проституток и проч.) складывался на протяжении длительного времени»⁸.

Между понятиями криминальный жаргон и арг ставится знак равенства.

В конце XX – начале XXI века появилось большое количество исследований в области терминологии социолектов. Уточнялись понятия *жаргон*, *сленг*, *арг*; в активный научный оборот введены термины *стандарт*, *субстандарт*, *нестандарт*.

Вопрос о сущности ряда терминов до настоящего времени остается непроясненным. З. Кёстер-Тома делает попытку упорядочить терминологию социальных исследований языка.

В частности, предлагается употреблять термин *стандарт*, в связи с тем что понятие *литературный язык* соотносится прежде всего с языком художественной литературы:

«Введение термина *стандарт* необходимо ввиду чрезмерной “привязки” термина “литературный язык” к понятию “язык литературы”, особенно условному в наши дни, когда *стандарт* создается во многом средствами массовой информации, а также иерархической коррелятивностью с его оппозитом *нонстандартом* в отличие от негативной отнесенности терминов *нелитературная речь*, *просторечие*, *vulgar speech* и т. п.» [4: 17].

В. Б. Быков отмечает, что стандарт – субстандарт следует противопоставлять по признаку «наличие – отсутствие облигаторной кодификации», при этом стандарт и субстандарт являются нормированными подсистемами национально-русского языка, которые отличаются характером нормы, кодифицированной в стандарте и некодифицированной, узуальной в субстандарте⁹. При этом в некоторых исследованиях отмечается, что «некодифицированные, узуальные нормы субстандарта отражают субкультурные ценности»¹⁰.

В. М. Мокиенко употребляет термин *субстандарт*, включая в это понятие различные виды жаргонов (социальные и профессиональные), а также сленг и арг. В понимании субстандарта полностью поддерживаем его позицию, включая в него социальные и профессиональные жаргоны, сленг и элементы арг [5]. Расширенное толкование термина *субстандарт* является оправданным, поскольку дает возможность рассматривать лексику ограниченной сферы употребления как иерархически упорядоченную систему. Термин *субстандарт* в настоящее время является наиболее распространенным как родовое обозначение всех групп лексики с негативными характеристиками семантики и/или стилистической окраски. Теоретические споры о сущности субстандарта в настоящее время перестали быть острыми, поскольку практически все современные ученые соглашались с тем, что субстандарт – сложное языковое явление, репрезентирующее социальные варианты языка и речи.

В художественных произведениях XX века лексические единицы из различного вида жаргонов, арг, молодежного сленга являются значительными в количественном плане, хотя все зависит от тематики и коммуникативной цели автора текста. Писатели и поэты употребляют субстандартные языковые единицы в текстах в зависимости от идейно-смыслового содержания и собственных эстетических представлений.

Паремии с субстандартными лексемами являются специфическим средством описания действительности в художественном пространстве. Отметим, что паремиологический фонд любого языка включает в себя большое количество единиц с отрицательной коннотацией. Так, еще в XIX веке в словаре В. И. Даля «Пословицы русского народа», в словаре П. Симони «Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII стол» и пр. фиксируются паремии со стилистически сниженными лексическими единицами-компонентами¹¹.

В русском языке в целом преобладают пословицы и поговорки с отрицательной коннотацией, но не во всех из них содержатся субстандартизмы. То есть субстандартные единицы в паремиях используются в отдельных случаях либо для выражения крайне негативной оценки, либо для обозначения социальной роли адресанта и/или адресата.

Поскольку в художественной литературе отражается переосмысленная творческим воображением автора реальная действительность, то в XX веке в ряде художественных текстов употребление субстандартной лексики и фразеологии, а также паремий стало необходимым. Так, в произведениях В. Шаламова, А. И. Солженицына, З. Прилепина активно употребляется не только субстандартная лексика, но и паремии с жаргонным компонентным составом. Подобные пословицы зачастую имеют варианты без субстандартизмов, но для конкретного художественного текста автор выбирает вариант с жаргонизмами или арготизмами. Например, в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в художественно-историческом произведении «Архипелаг Гулаг»:

«Шухов ничего не ответил и не кивнул даже, шапку нахлобучил и вышел. **Теплый зяблого разве когда поймет?**»¹². «И все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. **А ты – вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка. Кто кого сможет, тот того и гложет**»¹³. «Ужинал Шухов без хлеба: две порции, да еще с хлебом – жирно будет, хлеб на завтра пойдет. **Брюхо – злодей, старого добра не помнит, завтра опять спросит**»¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют, что пословицы с субстандартными элементами выступают как единицы аксиологического плана, которые обнаруживают «семантический сдвиг». По словам Л. Б. Савенковой, они «не только характеризуют объект номинации, но и оценивают его либо формулируют рекомендацию выбора линии поведения в определенных условиях» [8].

В текстах А. И. Солженицына паремии с субстандартными компонентами не являются ча-

стотными, однако их можно назвать семантическим ядром текста, поскольку в них находит отражение культурно-языковое состояние описываемого социума. Персонажи Солженицына оказываются в страшных условиях лагерного быта, для реалистического описания их жизни субстандартизмы обязательны. Паремии с субстандартными компонентами у Солженицына зачастую являются трансформированными, что становится еще одним элементом выразительности художественного текста. Трансформированные паремии обращают на себя внимание читателей необычной формой и яркой экспрессией. Главный герой повести изначально не принадлежит к уголовному миру, субстандартная лексика является ему чуждой, однако он «вместе со всеми» теперь является частью этого лагерного мира, поэтому субстандартные паремии для характеристики жизни Шухова являются уместными. Обращает на себя внимание языковая деликатность писателя, поскольку в тексте повести субстандартизмы минимизированы.

В произведениях З. Прилепина «Санька», «Обитель» паремии с субстандартными компонентами выполняют (в соответствии с концепцией Г. Л. Пермякова) моделирующую и прогностическую функцию, в рамках которой описывается модель жизненной ситуации и оцениваются результаты действия персонажей. Так, в повести «Санька» главный герой, используя паремии (в ограниченном количестве), реально оценивает свои шансы на выживание в условиях лагеря при острой вражде с уголовниками¹⁵. Оказываясь в водовороте событий политических изменений в стране, герой пытается вместе с друзьями и приятелями решить сложный вопрос национального устройства нового государства, изначально считая, что в национальном государстве не должно быть места для иных. Национализм скинхедов начала 90-х годов XX века показан бескомпромиссно и жестко реалистично. Однако и в данном случае у З. Прилепина наблюдается определенная языковая деликатность, так как субстандартные языковые единицы не становятся лексическими доминантами текста. Паремии с субстандартизмами также, как и в текстах Солженицына, являются трансформами, что привлекает внимание читателей и вызывает эффект отстранения.

«— Дело в том, что — не надо. Не надо ничего делать. Потому что пока рас-се-яне тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом. Водка остывает, картошечка жарится. А как только рас-се-яне вспомнят о своем, завалившемся под лавку величии, о судьбах Родины, о... о чем вы там все время говорите?»¹⁶. «— Черт, я не знаю этого района! — сказал Веня, улыбаясь. И до-

бавил, без паузы и тоже весело: — Там мочат всех наглухо, эти “космонавты”»¹⁷. «— Иди сюда, — рванув на себя, Олег легко довел Безлетова до стены между окнами и пристегнул второе кольцо к батарее. — Зол злодей... а я троих злей... Понял? — дыхнул в лицо Безлетову так, что тот отшатнулся рефлекторно»¹⁸.

Просторечные формулировки, паремии с субстандартизмами являются неотъемлемой частью текстов Прилепина, эффективным стилистическим приемом.

В «Колымских рассказах» В. Шаламова паремий с субстандартными компонентами также ограниченное количество (16), но тем более значимой оказывается их регулятивная функция; воздействие на читателя и передача эмоционального фона и оценки происходящих событий позволяют автору определять их мировосприятие.

«— Иди сюда, — рванув на себя, Олег легко довел Безлетова до стены между окнами и пристегнул второе кольцо к батарее. — Зол злодей... а я троих злей... Понял? — дыхнул в лицо Безлетову так, что тот отшатнулся рефлекторно»¹⁹.

В следующих примерах трансформация паремий угадывается по форме и структуре. Аллюзии к нескольким известным паремиям делает тексты рассказов Шаламова поликодовыми, требующими многоуровневой расшифровки. Но главное — это привлечение внимания к образам узников колымских лагерей, их трагической судьбе.

«Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей — значит, это нужда не крайняя и беда не большая»²⁰. «Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута»²¹.

Заметим, что в рассказах В. Шаламова отсутствуют обценнизмы, что не может объясняться только соображениями прагматического характера (подготовкой текстов к публикации). Это авторская позиция, стремление избегать субстандартных лексем там, где возможно. Трансформированные паремии с субстандартизмами у Шаламова являются приметой идиолекта писателя.

ВЫВОДЫ

В художественных текстах, предметом которых становится осмысление социальных проблем общества и маргинальных социальных групп, пословицы используются для описания возможностей индивида делать выбор в критических ситуациях. Авторы, используя паремии, творчески применяют прием речевого воздействия, выражая при этом собственную позицию.

В целом паремии с субстандартными компонентами помогают авторам в отражении ре-

альности, в воспроизведении аксиологических установок определенной части общества. Писатели реструктурируют фрагменты действительности, используя паремии для отражения авторских интенций, моделирования жизненной ситуации, эмоциональной интерпретации ситуаций. Паремии с субстандартизмами становятся приметой идиолектов писателей. В большей части рассмотренных художественных текстов паремии являются трансформированными, что придает тексту глубину, заставляя читателей обращаться

к собственному языковому опыту для дешифровки многоуровневого смыслового содержания текста.

Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении прагматики художественного текста в связи с использованием лексики и фразеологии ограниченной сферы употребления. Описание прагмалингвистических функций паремий в художественных текстах позволит интерпретировать специфику дискурсивного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Рукописные словари: (офенские, шерстобитов, мазуриков). М.: Флинта: Бизнессофт, 2007. 1 электрон. опт. диск.
- ² Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы / Под ред. и с предисл. Бодуэна де Куртене. СПб.: Тип. А. Г. Розена, 1908. 116 с.
- ³ Смирнов Н. А. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. [2], 23 с. Отд. оттиск из «Известий Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук», Т. 4 (1899 г.), кн. 3. С. 1065–1087.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
- ⁶ Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М.: Кампана, 1997. [Т. 1, Т. 2]: От А до П. М.: Кампана, 1997. 367 с.
- ⁷ Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым: около 2000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2006. 734 с.
- ⁸ Грачев М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 336 с.
- ⁹ Быков В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с.
- ¹⁰ Новикова Т. С. Субстандарт XX века и его контрастивно-художественная интерпретация (на материале повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.
- ¹¹ Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII стол. Вып. 3: Половецкий и Татарский словарики. Речи тонкословия греческого / Собр. Павлом Симони. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. 38 с.
- ¹² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: полное издание в одном томе / [Под ред. Н. Д. Солженицыной]. М.: Альфа-книга, 2017. С. 20.
- ¹³ Там же. С. 53.
- ¹⁴ Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. И. Рассказы. М., 1990. С. 5–123.
- ¹⁵ Прилепин З. Санья. М.: АСТ, 2015. 352 с.
- ¹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Шаламов В. Колымские рассказы. М.: АСТ, 2019. 836 с.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Там же. С. 181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачёв М. А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 210–217.
2. Грачёв М. А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
3. Грачев М. А. Третья волна // Русская речь. 1992. № 4. С. 61–64.
4. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. 1993. № 2. С. 15–31.
5. Мокиенко В. М. Славянские социолекты в прошлом и настоящем // Славянский мир: Общность и многообразие. К 1150-летию славянской письменности. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 130–133.
6. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–10.
7. Паремология без границ: Монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др.; Под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

8. Савенкова Л. Б. Паремии в современном газетном дискурсе // *Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs). Kollektivmonografie / Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): Коллективная монография / Отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд, 2017. С. 204–210.*

Поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 23.05.2025

Original article

Anzhelika V. Korolkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3245-7307; lika.korolkova@bk.ru

Tatyana S. Novikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Smolensk State Agricultural Academy (Smolensk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9388-2062; tatjana_1@inbox.ru

SUBSTANDARD PAREMIOLOGY IN FICTION

Abstract. This paper aims to analyze paremias containing substandard components in fictional texts and to identify their functions. Its relevance is rooted in modern linguocognitive studies, where paremias with substandardisms are viewed as a foundation for describing conflict situations and the expression of opposing viewpoints. This, in turn, allows for an analysis of the worldview systems of specific social groups. The novelty of this study lies in its diachronic examination of major dictionaries of substandard vocabulary and in analyzing the system of paremias with substandard elements in the works of Zakhar Prilepin, Aleksandr Solzhenitsyn, and Varlam Shalamov. Their functions are explored using pragmalinguistic methods, including contextual analysis and pragmalinguistic description of the roles played by these paremias in literary works of the XIX and XX centuries. The research concludes that such paremias aid authors in reflecting reality and in expressing the axiological attitudes of particular societal segments. Writers reconstruct fragments of reality, employing paremias to convey their intentions, model life situations, and interpret them emotionally.

Key words: paremia, proverb, saying, substandard, linguopragmatics

For citation: Korolkova, A. V., Novikova, T. S. Substandard paremiology in fiction. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):98–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1205

REFERENCES

1. Grachev, M. A. Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century. *Neophilology*. 2022;8(2):210–217. (In Russ.)
2. Grachev, M. A. Intervention of criminal language. *Nauka i zhizn*. 2009;4:128–132. (In Russ.)
3. Grachev, M. A. The third wave. *Russian Speech*. 1992;4:61–64. (In Russ.)
4. Kester-Toma, Z. Standard, substandard, nonstandard. *Russian Language Studies*. 1993;2:15–31. (In Russ.)
5. Mokienko, V. M. Slavic sociolects in the past and present. *Slavic world: Collectivity and diversity. Celebrating the 1150th anniversary of the Slavic written language*. Moscow, 2013. P. 130–133. (In Russ.)
6. Mokienko, V. M. The modern paremyology (linguistic aspects). *World of the Russian Word*. 2010:6–10. (In Russ.)
7. Paremiology without borders: Monograph. (M. A. Bredis, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2020. 244 p. (In Russ.)
8. Savenkova, L. B. Paremias in modern newspaper discourse. *Slavic phraseology in modern mass media (journalistic discourse): Collective monograph*. Greifswald, 2017. P. 204–210. (In Russ.)

Received: 8 April 2025; accepted: 23 May 2025